
А. В. ХОРОШЕНКОВА

ВЫСШЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1930-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Автор анализирует роль высшего исторического образования в развитии советского общества в 1930-е годы. Отмечается его приоритетное значение в формировании политической элиты и определении мировоззрения советской молодежи. Делается вывод об изменении роли вузов в жизни советского общества, которые из комплексных центров науки и образования превратились преимущественно в образовательные центры.

***Ключевые слова:** высшее историческое образование, социальное развитие, исторические факультеты, вузы, профессорско-преподавательские кадры.*

В активно протекающей сегодня дискуссии о состоянии и перспективах высшего образования в России недостаточно представлены проблемы высшего исторического образования (внимание больше акцентируется на школьных учебниках истории) и его взаимосвязь с развитием общества. На это обстоятельство справедливо обратил внимание Г. И. Ханин (2008). Анализируя основные тенденции становления и реформирования высшего исторического образования в России на примере Нижнего Поволжья, можно дополнительно проследить деятельность центральной и региональной власти, оценить эффективность работы научно-исследовательских центров, профильных учебных учреждений, в том числе в направлении их обеспечения высококвалифицированными кадрами историков.

В 30-е годы XX века рабочие, крестьяне и их дети составляли абсолютное большинство студентов вузов всех профилей. Так, в 1932 году в высших учебных заведениях промышленности, строительства, транспорта и связи их было 76,3 %, сельского хозяйства – 73,7 %, просвещения – 62,2 %, здравоохранения – 62,7 % (Елютин 1967).

Историческая психология и социология истории 1/2016 113–123

Система регулирования приема в вузы по классовому принципу существовала до середины 30-х годов. Развитие советской высшей школы в этот период характеризовалось беспрецедентным количественным ростом: число вузов выросло со 129 в 1927 году до 600, т. е. почти в пять раз (Милюков 1994), при столь же явном качественном ухудшении образования. Деграция была бы неизбежна даже при относительно нормальном политическом климате, ибо невозможно в такой короткий срок обеспечить быстро растущее количество вузов квалифицированным профессорско-преподавательским составом и административным персоналом, учебными помещениями и общежитиями для иногородних студентов, библиотеками и лабораторным оборудованием. Оно было тем более неизбежным, поскольку сопровождалось изгнанием из вузов по политическим мотивам многих лучших преподавателей и отбором студентов с учетом главным образом приемлемого социального происхождения с минимальным учетом знаний абитуриентов (Ханин 2008). Однако, хотя новые вузы по качеству часто не соответствовали требованиям, получение более высокого образования и культуры широким кругом молодых людей было благом и для большинства из них, и для общества.

Серьезные экономические неудачи 1931–1932 годов объяснялись в немалой степени слабостью новоиспеченных кадров и дефицитом опытных специалистов. Поскольку политические опасности к этому времени уменьшились, советская власть пошла на очередную «оттепель» в области высшего образования. Из ссылки были возвращены практически все ранее осужденные академики-историки. Им было разрешено вернуться к преподаванию, и это стало началом трансформации исторического образования. Были восстановлены после 15-летнего перерыва исторические факультеты, и характер преподавания в них стали определять как раз профессора старой школы с учетом, конечно, марксистской фразеологии и цитат из произведений классиков марксизма-ленинизма и И. В. Сталина (Там же). Были восстановлены и философские факультеты, хотя с гораздо более низким уровнем образования, поскольку лучшие философы были изгнаны из СССР в начале 1920-х годов. Стоит, однако, обратить внимание и на положительное обстоятельство: качество высшего образования улучшалось благодаря значительному расширению и улучшению качества среднего образования в этот период.

В МГУ в 1934 году был учрежден исторический факультет (ГАРФ. Ф. 9396. Оп. 16. Д. 801. Л. 83). В Нижнем Поволжье Саратов стал местом рождения третьего исторического факультета в университетах РСФСР (после Москвы и Ленинграда). Открывшемуся осенью 1935 года историческому факультету под руководством профессора-археолога П. С. Рыкова был предоставлен специальный учебный корпус, для комплектования библиотек кафедр факультету были переданы богатейшие фонды исторической литературы из конфискованных в годы революции и Гражданской войны частных собраний (Нарышкиных, Нессельроде и др.) (История... 2009). На первый курс было принято около 100 человек.

В 1936 году на историческом факультете уже оформилось 5 кафедр, на них работали 16 преподавателей, но только 4 имели ученую степень или ученое звание, а на кафедре истории колониальных и зависимых стран преподавателей еще не было. На историческом факультете была создана хорошая библиотека научной литературы, кабинеты кафедр получили наборы необходимых источников и исследований для проведения семинарских занятий. Отбор литературы для исторического факультета осуществлял академик АН СССР Д. Б. Рязанов, работавший в 1935–1937 годах научным консультантом университетской библиотеки (Там же).

О кадровом состоянии и организации учебного процесса исторических факультетов во второй половине 30-х годов свидетельствуют отчеты вузов. Так, в отчете Саратовского университета за 1936 год отмечается, что на историческом факультете, следуя указаниям «свыше», было открыто 5 кафедр: истории древнего мира, заведующий – профессор (без степени и звания) П. С. Рыков; истории народов СССР, заведующий кафедрой – кандидат исторических наук, доцент. Р. А. Таубин; истории Средних веков (заведующий кафедрой – вакансия); новой истории Запаदा (заведующий кафедрой – вакансия); истории зависимых и колониальных стран (заведующий кафедрой – вакансия). На оборудование исторического факультета были затрачены значительные средства. Это позволило приобрести обстановку для трех кабинетов. На библиотеку было затрачено 30 тыс. рублей. Положено начало организации музея по древней истории (Ушмаева 2011).

Развитию высшего исторического образования в Нижнем Поволжье способствовало открытие в 1931 году Сталинградского индустриально-педагогического института (позже – Волгоградский государственный педагогический университет). Отбор абитуриен-

тов был проведен в соответствии с «требованиями времени». В протоколе № 69 заседания бюро Сталинградского горкома ВКП(б) от 18 июля 1931 года рассматривался вопрос «О начале работы пединститута в Сталинграде». В нем указано: «Считать необходимым обеспечить рабочую прослойку в количестве 80 %. Партчасти ГОРОНО для подготовки рабочих в институт открыть курсы на 60 человек. ГК ВЛКСМ мобилизовать на учебу в институт 60 человек. И. О. директора утвердить т. Лapidуса» (ЦДНИ ВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 57 «б». Л. 218). Исторический факультет Сталинградского педагогического института вначале имел одну общую кафедру истории, которая затем была разделена на кафедры истории СССР (заведующий кафедрой – В. В. Лухменский), древней истории (заведующий кафедрой – А. Д. Дмитриев) и новой истории (заведующий кафедрой – Е. П. Кандель).

Об особом внимании к качеству образования свидетельствует и устранение в середине 30-х годов социальной дискриминации при поступлении в вузы и аспирантуру. Изменилась к лучшему также организация учебного процесса, вернувшись, в сущности, к дореволюционным формам. Важное значение для повышения качества образования имело восстановление ученых степеней, отмененных в 1919 году, и защиты диссертаций (ГАРФ. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 276. Л. 77). Упор на качество высшего образования сказался и в почти полном прекращении наращивания количества студентов: оно выросло за 1933–1938 годы лишь на 31 % (за годы первой пятилетки – в 2,5 раза). В период второй пятилетки значительно улучшилось материальное положение и студентов, и преподавателей вузов. Оплата труда аспирантов и доцентов, не говоря уже о профессорах, была в несколько раз выше средней заработной платы.

В целом в этот период были устранены самые негативные стороны предыдущего этапа развития высшего образования. Вместе с тем в 1930-е годы окончательно изменилась роль высшего образования в жизни общества. Из центров науки и образования вузы в СССР окончательно стали в основном центрами только образования. Наука была выведена из вузов в систему Академии наук и ВАСХНИЛ СССР и союзных республик, а также отраслевые институты ведомств. Ученые неоднозначно оценивали влияние этого процесса на науку: наряду с очевидными достоинствами (специализация) здесь были и столь же очевидные недостатки (отрыв от

обучения и подбора талантливых студентов для науки) (Ханин 2008).

Отделение науки от высшего образования имело пагубные последствия для высшей школы, так как снизило качество образования. Правда, отделение не было тотальным: передовые вузы в порядке совместительства эпизодически привлекали к преподаванию лучших ученых. Репрессии 1937–1938 годов отразились и на высшей школе, преимущественно затронув административный персонал и преподавателей общественных кафедр. Самым губительным было их влияние на нравственную жизнь вузов. Эпидемия доносов, арестов без суда и следствия калечила моральный облик студентов и преподавателей.

Так, основная волна репрессий «накрыла» Саратовский государственный университет в 1937 году, но отзвуки ее продолжались и в последующие годы. В частности, на историческом факультете решался вопрос о И. В. Сеницыне, А. М. Панкратовой, была разоблачена группа, возглавляемая студентом Винником, обвиненная в «контрреволюционной деятельности». В 1940 году арестовали студента исторического факультета Льва Невельсона, внука Л. Д. Троцкого, вместе с двумя сокурсниками. Его обвинили в создании и руководстве контрреволюционной троцкистской группой и расстреляли в начале 1941 года (в 1992 году он был реабилитирован).

Репрессии не обошли стороной и сталинградских преподавателей. Постановлением Сталинградского обкома ВКП(б) от 21 марта 1937 года (протокол № 295) т. Аносов был освобожден от работы директора педагогического института, объявлен врагом народа и арестован НКВД. Преподаватель Сталинградского педагогического института Городнилова «сигнализировала» и разоблачила врагов партии Вайсберга и Свердлина, считая «совершенно недопустимым и политически вредным использовать на лекциях цитаты Л. Троцкого». После этих событий она неудачно пыталась покончить с собой, была восстановлена в партии, и ей был объявлен выговор за непартийный поступок (ЦДНИ ВО. Ф. 113 Оп. 1. Д. 289. Л. 96–97). 26 студентов этого вуза в 1938 году были исключены за «контрреволюционную агитацию». Был объявлен врагом народа и арестован НКВД также директор Астраханского педагогического института Даманк (Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 424. Л. 117).

В 1930-е годы в содержании высшего исторического образования уже отчетливо начало проявляться негативное влияние установившегося тоталитарного режима с единой государственной идео-

логией. Социально-экономические дисциплины и, конечно, историческое образование становились все более идеологизированными. Исчез плюрализм мнений, ценностные ориентации в воспитании прочно приобретали классовый характер. Свобода выражения мнений профессоров, преподавателей и студентов опустилась почти до нулевой отметки. На качестве образования отрицательно сказывалось моральное и физическое уничтожение многих видных ученых. Шло массированное наступление на академические свободы вузов: в них устанавливались такие же порядки, как на производстве, – жесткая централизованная дисциплина. Во многом это определялось положениями типового устава высшего учебного заведения, принятого в 1938 году СНК СССР (ГАРФ. Ф. 9396 Оп. 16. Д. 820. Л. 79).

В связи с указанными особенностями высшего образования в СССР Г. П. Федотов, работавший в конце 1930-х годов на кафедре всеобщей истории Саратовского университета, обоснованно усомнился в наличии в СССР университетов и вообще вузов в общепринятом смысле этого слова (даже американского уровня, как в 1920-е годы): «В России, вероятно, нет ни одной подлинной высшей школы» (Федотов 1991: 218).

Советское руководство уделяло большое внимание состоянию высшего образования в стране как средству формирования своей элиты. Оно впервые (Институт красной профессуры лишь частично выполнил эту задачу из-за ошибочной системы комплектования – см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 307. Л. 13–15) предприняло серьезную попытку создать элитное гуманитарное образование. Эта идея была реализована в виде созданного в 1931 году Института философии, литературоведения и истории (ИФЛИ), который многими авторами характеризуется как «лучший гуманитарный институт того времени, воспитавший целое поколение интеллигентов. ИФЛИ оказался вузом молодых поэтов, безбоязненных полемистов и творчески мыслящих философов. Институт задумывался как кузница идеологических кадров, но там собрались лучшие преподавательские кадры, которые вышли далеко за рамки этой задачи. Из ИФЛИ вышел цвет московской интеллигенции» (Ханин 2008: 78).

В ИФЛИ стремились попасть дети советской правящей элиты того времени. В этом «необычном» учебном заведении вели занятия преимущественно преподаватели дореволюционного выпуска и воспитания. В нем учились очень известные в последующем поэты, философы, историки, государственные деятели и дипломаты.

О большом внимании к высшему образованию свидетельствует и создание в 1937 году специального ведомства по руководству высшей школой – Комитета по высшей школе – вместо главка в составе Наркома просвещения (Елютин 1967). Наконец, в 1938 году было проведено совещание работников высшей школы, на котором основной доклад сделал председатель СНК В. Молотов, а на заключительном приеме выступил И. В. Сталин. И то и другое было необычным и говорило об огромном внимании к высшей школе. После этих совещаний был поднят престиж высшей школы и ее преподавательского состава, начался выпуск на конкурсной основе учебников для вузов, подготовленных действительно лучшими профессорами того времени, как старой школы, так и советского поколения. Достаточно назвать «Историю дипломатии» и монографии Е. Тарле, имеющие значительную научную ценность по сей день.

8–14 января 1930 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание руководящих работников высшей школы, которое наметило программу реорганизации управления вузами. На совещании с докладами выступили А. С. Бубнов (нарком просвещения РСФСР) и А. Я. Вышинский (руководитель Главного управления профессионального образования). По его итогам были приняты решения, которыми отменялась выборность руководителей не только вузов, но и факультетов, где декана заменял заведующий, упразднялись советы факультетов. Предлагалось сократить сроки учебы в вузах до 3–3,5 лет, ввести непрерывную производственную практику с первого семестра (не по специальности, а на промышленных предприятиях), отменить дипломные проекты. На совещании было принято решение о введении физической культуры в учебные планы всех вузов.

13 мая 1935 года в ЦК партии была создана комиссия под председательством А. Жданова (Дорохова 1965). Комиссия должна была детально проверить положение в высшей школе, разработать мероприятия по улучшению дел в области выработки учебных планов и программ, учебников, преподавания и контроля за ним, подготовки преподавателей, управления высшей школой, сетью школ, а также проследить за порядком комплектования высшей школы, за тем, каковы материальное положение учащихся и преподавателей, политико-воспитательная и партийно-комсомольская работа в высшей школе.

После реорганизации, осуществленной в начале 30-х годов, университеты функционировали без гуманитарных специальностей. Большое значение для устранения пробела в структуре университетов имело постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Один из его пунктов гласил: «В целях подготовки квалифицированных специалистов по истории восстановить с 1 сентября 1934 г. исторические факультеты Московского и Ленинградского университетов» (Постановление... 1934). В соответствии с этим с начала 1934/1935 учебного года в двух крупнейших университетах страны были открыты исторические факультеты с контингентом в 300 человек. В подкомиссии ЦК партии по учебным планам, программам и методам преподавания за возвращение гуманитарных специальностей в стены университетов выступал Г. Кржижановский. Первое Всесоюзное совещание работников высшей школы в мае 1938 года, подводя итоги деятельности высшей школы за годы советской власти, констатировало, что реорганизация вузов в основном завершена и что они реформированы применительно к потребности государства, строящего социализм (Елютин 1967).

Всего за годы предвоенных пятилеток различные отрасли народного хозяйства и культуры страны получили из вузов 868,1 тыс. специалистов, в том числе в 1929–1932 годах – 170 тыс., в 1933–1937 годах – 369,9 тыс. и в 1938–1940 годах – 328,2 тыс. человек (Там же).

Выпуск специалистов в таких огромных масштабах внес коренные изменения в количественный и качественный состав советской интеллигенции. Проведенная в 1939 году перепись населения показала, что абсолютное большинство специалистов с высшим образованием окончили вузы при советской власти, причем свыше 70 % – в годы первых двух пятилеток.

В связи с экономическими и социальными изменениями в стране Конституция 1936 года сняла классовые ограничения и провозгласила единые права и обязанности всех граждан независимо от классовой принадлежности. Статья 121 Конституции определила, что все граждане СССР имеют право на образование. Это право обеспечивается наличием школ, вузов, системой государственных стипендий и т. д. Поэтому в годы третьей пятилетки при приеме в вузы не существовало классовых ограничений, трудящаяся молодежь принималась на общих основаниях. Все это позволило увели-

читать количество студентов в зависимости от возраставших потребностей народного хозяйства и культуры в специалистах.

Говоря о роли высшего исторического образования во взаимоотношениях советского государства и общества, нельзя не отметить тот факт, что именно данной отрасли научного знания в социально-гуманитарном цикле придавалось приоритетное значение в формировании мировоззрения советских граждан. Партийно-государственные органы всесторонне контролировали становление и развитие советской исторической науки, определяя методологию исследований, основополагающий и системообразующий принцип выделения историографических направлений, преимущественно по классовому критерию, спектр исследуемых проблем и даже источниковую базу. Высшее историческое образование призвано было транслировать идеологически детерминированные выводы исторических исследований и воспитывать преданную советскому режиму молодежь.

Трансформация высшего исторического образования осуществлялась в строгом соответствии с задачами развития страны, определенными в партийно-правительственных документах. В данный период государство являлось единственным заказчиком образовательного продукта, и именно государственный заказ определял облик отечественного высшего исторического образования.

Социальный заказ, исходивший от партийно-государственных органов власти, ставил перед исторической наукой и образованием задачу воспитания идеологически подкованных советских граждан, лояльных к власти и правильно понимающих государственную политику. На государственном уровне регламентировались все составляющие данной системы: правила приема, цели, задачи, содержание, формы организации учебного процесса и подготовки научно-педагогических кадров, оценка результативности и т. д. С учетом текущего и перспективного планирования прогнозировались тенденции ее развития. Государственный контроль над организацией и результатами высшего исторического образования осуществлялся через ректораты, деканаты вузов и исторические кафедры. Им вменялись в обязанность не только соответствующая организация образовательного процесса подготовки профессиональных историков, но и систематическое взаимодействие с органами народного образования, обкомами и горкома КПСС.

Таким образом, государственную политику в области высшего исторического образования в рассматриваемый период характери-

зуют идеологизация, жесткий контроль, централизованность в принятии решений, а также системность и функциональная полнота образовательного законодательства. Вместе с тем высшее образование должно было сочетать фундаментальные системные знания и профессиональную компетентность с высоким уровнем эрудированности, основанной на глубоком знании современного уровня развития академической науки. Как показал проведенный анализ, в сложных социально-политических и экономических условиях 30-х годов прошлого века этот уровень значительно снизился.

Историческое образование воспринималось руководством страны как важный фактор стабильности и эффективности функционирования государственной системы. Государство стремилось к сохранению единого образовательного пространства, пронизанного официальной партийной идеологией, и историческое образование во многом закрепляло ценностные приоритеты советских граждан. Кроме того, руководство СССР рассматривало высшее историческое образование как один из источников формирования политической элиты. В кризисные периоды развития советского общества государство выступало инициатором и главной движущей силой реформ в образовательной сфере. Историческое образование выполняло мировоззренческую функцию, воздействуя на систему ценностных ориентаций и формируя убеждения молодого поколения. В силу этого оно находилось под пристальным вниманием и контролем властных структур.

Литература

Дорохова, Г. А. 1965. *Управление народным образованием в СССР*. М.: Высшая школа.

Елютин, В. П. 1967. *Высшая школа СССР за 50 лет*. М.: Высшая школа.

История Саратовского университета. 1909–2009. Т. 1. Саратов: СГУ, 2009.

Милюков, П. Н. 1994. *Очерки по истории русской культуры*. Т. 2. М.: Наука.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКЦ(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». *Собрание законодательства*. 1934. № 26. Ст. 206.

Ушмаева, К. А. 2011. *Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России (20–90-е годы XX века)*: дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск.

Федотов, Г. П. 1992. *Судьба и грехи России*. Т. 2. СПб.: София.

Ханин, Г. И. 2008. Высшее образование и российское общество. *ЭКО* 8–9: 75–93.

Архивы:

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

ЦДНИ ВО – Центр документации новейшей истории Волгоградской области.